6. Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija M.: Akad. Proekt, 2004. – 992 s.

7. Shaparova N.S. Kratkaja jenciklopedija slavjanskoj mifologii. M.: Astrel': AST: Rus. slovari, 2003.

Bulgarian fairy tales about samovilas as the reflection of the folklore world picture

There is considered the myth concept "Samovila" characteristic for the Bulgarian fairy tale folklore. The structure of the myth concept includes conceptual, figurative and axiological levels which can differ from the appropriate levels of a general cultural concept. There are analyzed the features typical only to the character, and his discrepancy.

Key words: *myth concept, lingvoculturology, conceptual, figurative, axiological levels of a concept.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

С.В. СОЛОДКОВА
(Волгоград)

К ВОПРОСУ О МОТИВЕ «ДОБРЫЙ ВОИН» В ПОЭЗИИ А. К. ТОЛСТОГО

Впервые в творчестве А.К. Толстого выявлен сквозной мотив «добрый воин», обладающий религиозно-философскими и эстетическими коннотациями. Магистральный мотив является определяющим для понимания религиозно-философского мировоззрения поэта, эстетической концепции и идейно-художественного своеобразия творчества в целом.

Ключевые слова: *А.К. Толстой, мотив «добрый воин», религиозно-философская поэзия.*

Мотивный комплекс предназначения поэта и поэзии в творчестве А.К. Толстого невозможно рассматривать, оставив без внимания такую ключевую формулу, как «добрый воин» в раннем стихотворении «Поэт» (1840-е гг.): «Жизни ток его спокоен, // Как река среди равнин, // Меж людей он добрый воин // Или мирный гражданин» [2, т. I, с. 56]. Можно было бы предположить, что это словосочетание употреблено в привычном, прямом значении – военная служба. Но подобная трактовка противоречит биографии и творчеству выдающегося русского лирика. Известно, как тяготился граф Толстой собственным положением в обществе, обязывающим вести активную светскую жизнь. Сам он никогда не помышлял ни о военной, ни о чиновничьей карьере, хорошо сознавая свое истинное предназначение: *Я родился художником*… [Там же, т. IV, с. 53] (здесь и далее курсив А.К. Толстого. – *С.С.*)]; «Помоги мне жить вне мундиров и парадов. …В моей личной жизни я хочу жить *искусством* и во имя *искусства.* Моя натура возмущается при одной мысли, что ее хотят вытолкнуть на другую дорогу» [Там же, с. 84].

Аристократ, блистательный вельможа, друг детства императора, он неожиданно для всех оставляет военную и статскую службу, чтобы отдаться главному делу своей жизни – служению искусству. В официальном письме Толстой писал Александру II: «Государь, служба, *какова бы она ни была*, глубоко противна моей натуре; …*Служба и искусство не совместимы*» [2, т. IV, с. 139].

Все эти биографические перипетии нашли непосредственное отражение в творчестве А.К. Толстого. Так, проблема выбора между службой и искусством поднимается в поэме «Иоанн Дамаскин» (1858). Глубоко личная мотивировка идейной оппозиции «калиф» – «певец» была сразу же услышана современниками (поэма появилась в журнале «Русский вестник» за 1859 г., № 1) и не вызывает сомнения и по сей день. В обращении певца к калифу Толстой выражает свое представление о назначении поэта: «**Служить Творцу его призванье;** // Его души незримый мир // Престолов выше и порфир» (здесь и далее по тексту жирный шрифт мой. – *С.С.*) [Там же, т. I, с. 515].

Решая вопрос, какой смысловой пласт стоит за поэтической формулой «добрый воин» в стихотворении Толстого, мы обнаружили его христианские, в частности библейские, истоки. В «Первом послании к Тимофею святого апостола Павла» находятся прямые текстовые переклички: «Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое завещание, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как **добрый воин** имея веру и добрую совесть...» (1 Тим., гл. 1, ст. 18–19). В новозаветном контексте «добрый

© Солодкова С.В., 2015

воин» не имеет отношения к воинской службе, а употребляется иносказательно, подразумевая «воинов Христовых»: «Итак, укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом, и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить. Итак, переноси страдания, **как добрый воин Иисуса Христа»** (2 Тим., гл. 2, ст. 1–3).

В поэме Толстого «Иоанн Дамаскин» «певец» также назван «Божьим воином» [2, т. I, с. 520]. Примечательно, что подобное словосочетание встречается только в этих двух посланиях ап. Павла и только в таком контексте. Вместе с тем в святоотеческих трудах выражение «добрый воин» в значении «воин Христов» традиционно и встречается достаточно часто. Ср., например, у преп. Феодора в Поучении 20-м «О **духовном** нашем **воинствовании**»: «Посему, о **добрые братия – воины**, сострадальцы, сподвижники, будем подвизаться, будем трудиться, будем терпеть…» [3, с. 82].

Так, Церковь именует христианина «воином Христовым» или «добрым воином», потому что на него, вставшего на путь спасения, ополчаются духи злобы поднебесной, исполненные ненависти ко всему святому и обладающие многотысячелетним опытом погубления человеческих душ. Только христианин, предающий себя в руки Божии и получающий в Церкви оружие благодати, имеет надежду выйти из этой битвы победителем, ибо благодатью Святого Духа и смирением христианина сокрушается всякая сила сатаны.

Вместе с тем поэтическая формула «воин» и семантически связанный с ней целый ряд выражений («боец», «бой», «битва», «борьба» и т.д.) были характерны для отечественной традиции светских гимнов XVIII–XIX вв., идущих еще от античных дифирамбов и пеанов, назначение которых – воспевать воинов и воинскую доблесть в прямом значении этих понятий. Достаточно, например, вспомнить стихотворение В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов».

Однако Толстой, безусловно, в лирике переосмысливает данные поэтизмы в духе христианской традиции, углубляя их общеязыковое значение именно религиозным содержанием. Одновременно художник акцентирует диаметральную противоположность своей поэтической миссии задачам «бранных певцов», «воспевших ратных грозный строй»: «Уж на устах дрожит хвала // Всему, что благо и достойно, // Какие ж мне воспеть дела? // **Какие битвы или войны? // Но не для них моя хвала // Не им восторга излиянья! // Мечта для песен избрала // Не их высокие деянья!»** [2, т. I, с. 517].

Поэт трижды повторяет отрицание, усиливая его восклицательной интонацией. Тем самым Толстой еще раз подчеркивает особый смысл традиционных словесных формул, акцентирует их специфическое содержание. Ср., например, в стихотворении «Исполать тебе, жизнь – баба старая…»: «Сила и воля нужны мне для **боя иного**!», в котором религиозно-мистические коннотации словоформы **иной** переносят понятие ***боя*** в область духовных сражений.

Примечателен и тот факт, что в своих наставлениях ап. Павел прежде всего призывает «доброго воина» «совершать молитвы, прошения, моления, благодарения… Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший себя для искупления всех» (1 Тим., гл. 2, ст. 1–6). И тут можно только предполагать: осознанно ли Толстой помещает поэтические формулы, связанные с мотивом «доброго воина», в гимническую песнь молитвенно-псалмического характера Иоанна Дамаскина, или же это было следствием интуитивного процесса, результатом ассоциативных «скольжений» творческой памяти писателя: «Блажен, кому ныне, Господь, пред тобой // И мыслить, и молвить возможно! // **С бестрепетным сердцем и с теплой мольбой // Во имя Твое он выходит на бой // Со всем, что не право и ложно!»** [2, т. I, с. 533].

Обратим внимание на ряд существенных особенностей приведенного поэтического текста: обращение «Господь…», Его восхваление, молитвенное заклинание («раздайся ж…», «расторгни…»); общую эмоциональную насыщенность стиха, выраженную восклицательной интонацией во всех без исключения предложениях; использование таких устойчивых оборотов, как «да славит…», «да хвалит…», «блажен…», «во имя Твое…». Совокупность этих риторических средств характерна для церковного православного песнопения. Таким образом, по своим тематическим и жанрообразующим признакам художественно-религиозный гимн А.К. Толстого приближается к православному тропарю – одному из жанров краткой церковной песни, назначение которой – прославление дел Господа. Пронизывающий его мотив «доброго воина» оказывается тесно взаимосвязан с целым комплексом других идей: в первую очередь, с утверждением любви к Богу и священного служения Ему поэта, призванного быть «воином Христовым», который своим творчеством не только несет божественный «свет лучезарный», но и борется с вошедшим в этот мир злом.

В связи со сказанным немаловажно отметить, что любимый герой Толстого в знаменитом романе «Князь Серебряный» – воин. При этом укажем на некоторые акценты, вычленяемые в тексте, обладающие повышенной философско-эстетической суггестивностью. Бесспорно, знаковой является ситуация «случайной» встречи Серебряного с блаженным Василием: «Ты мне брат,– говорит ему блаженный,– я тотчас узнал тебя. Ты такой же блаженный, как и я. И ума-то у тебя не боле моего, а то бы ты сюда не приехал. Я все твое сердце вижу. У тебя там чисто, чисто, одна голая правда; мы с тобой оба юродивые!» [2, т. III, с. 186]. Образ князя Никиты Романовича, воина, тесно связан с идеей «духовной жизни в миру» как одной из форм святости, служения абсолютным истинам, Богу – хотя и без принятия схимы. Воин в миру оказывается сородственен святому, который не от мира сего.

Заметим и явные новозаветные аллюзии в сближении князя Серебряного с разбойниками – «и к злодеям причтен» (Евангелие от Марка, гл., 15, ст. 28), в добровольном обращении последних под влиянием героя на путь истинный (Евангелие от Луки, гл., 23, ст. 40–43), и в необычайно человечном, христианском отношении князя к сыну Малюты Скуратова. Серебряный даже побратался с ним, совершив обряд обмена нательными крестами и уравняв себя не только с человеком ниже по происхождению, но и со связанным с ним кровным родством лютым злодеем – Малютой. Этот эпизод выделяется писателем в отдельную главу «Побратимство», что подчеркивает ее принципиальную важность в структуре произведения. Само название главы знаменательно, ибо напоминает высшую истину: все люди – братья и сестры во Христе.

Идеи христианского братства, приобретенного не мечом, а силой всепрощения, милосердия и любви, пронизывают все творчество Толстого. Для писателя критерием отношения к человеку являлась не национальная, не социальная, не политическая, не какая-либо другая корпоративная принадлежность («мы равны, Максим Григорьевич, да везде равны, где стоим пред Богом, а не пред людьми» [2, т. III, с. 347]), а нравственное стояние духа в христианском стремлении к воссоединению людей. В образе князя Серебряного заветная идея Толстого заключена не столько в том, что он воин, сколько в том, что он прямо и опосредованно выступает как *воин за Истину*, причем подчеркнем – истину христианскую, художественно осмысленную в четко очерченном евангельском контексте.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что в поэзии второй половины XIX в. такие слова-«сигналы», как «воин», «боец» и др., функционирующие большей частью в границах описания «воинской службы», получили новое художественное осмысление, принципиальную художественную многозначность, определяемую религиозно-философским контекстом.

Своеобразие и уникальность поэтической формулы А.К. Толстого заключаются в том, что традиционная номинация **«воин»** сопрягается в его произведениях с эпитетами, несущими духовный смысл, понятиями религиозно-церковного характера, дорогими благочестивым христианам. Таковым является слово «добрый», полное проникновенного религиозно-этического содержания, освященное длительной церковной традицией. Следовательно, есть достаточные основания говорить о нравственно-религиозной природе его эстетического идеала. Более того, эстетический критерий понимается только в русле свободного христианского сознания, генетически основывающегося на библейской и святоотеческой традиции [1, с. 144–145]. Антиномия между эстетическим и нравственным началами для толстовской поэтической системы и личностного отношения к творчеству неприемлема.

Разумеется, рассмотрение мотива «добрый воин» остается открытым ввиду магистрального характера темы **поэта и поэзии** в творчестве А.К. Толстого. Данный мотив обнаруживается как сквозной во многих других лирических произведениях писателя: «Господь, меня готовя к бою...», «Двух станов не боец, но только гость случайный...», «Я вас узнал, святые убежденья...», «Я задремал, главу понуря...», «Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни покою!», «Есть много звуков в сердца глубине...», «Против течения», «Про подвиг слышал я Кротонского бойца...» и др.

В итоге ведущий религиозно-философский образ – «добрый воин», аккумулируя вокруг себя взаимопересекающиеся и наиболее значимые поэтические элементы и словесные формулы, создает органичное, основанное на глубочайшем сцеплении смыслов идейно-художественное пространство толстовской лирики. Внутренне сплавленные в единое художественное целое, такие мотивы, как «добрый воин», «добрый меч», «мирный гражданин», «свободный певец», «пророческое служение», утверждающие «триединство Красоты, Истины и Добра», органически включают традиционную тему «поэт и поэзия» в контекст христианской антропологии и метафизики.

Список литературы

1. Солодкова С.В. К вопросу о стиле русской метафизической поэзии второй половины XIX века: принцип иконичности в лирике А.К. Толстого // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2014. № 7 (92). С. 144–148.
2. Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1963.
3. Феодор Студит, преподобный. Огласительные слова и завещание: репринт. изд. 1896. М., 1998.

* * *

1. Solodkova S.V. K voprosu o stile russkoj metafizicheskoj pojezii vtoroj poloviny XIX veka: princip ikonichnosti v lirike A.K. Tolstogo // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2014. № 7 (92). S. 144–148.
2. Tolstoj A.K. Sobranie sochinenij: v 4 t. M., 1963.
3. Feodor Studit, prepodobnyj. Oglasitel'nye slova i zaveshhanie: reprint. izd., 1896. M., 1998.

Considering the motive "a good warrior" in the poetry by A.K. Tolstoy

For the first time there is revealed the through motive "a good warrior" that has religious and philosophical and aesthetic connotations in the creative work by A.K. Tolstoy. The main motive is determining for comprehension of the religious and philosophical world-view of the poet, his aesthetic conception, idea and artistic peculiarity of Tolstoy's creative work.

Key words: *A.K. Tolstoy, motive "a good warrior", religious and philosophical poetry.*

Л.Н. САВИНА
(Волгоград)

ТЕМА «ДЕТИ И ВОЙНА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

С позиции психологического анализа рассматриваются способы реализации темы «Дети и война» в произведениях современных писателей-фантастов.

Ключевые слова: *конфликт, дети, война, фантастика, психологический анализ.*

Процесс становления внутреннего мира персонажей-детей в произведениях современной фантастики невозможно представить без преодоления ими межличностных конфликтов, возникающих в ходе столкновения с «бесстрастной государственной машиной или аллегорическим образом захватчиков с другой планеты» [2, с. 6]. Данная конфронтация, имеющая сюжетообразующую функцию, приобретает характер вооруженного противостояния, причем дети никогда не являются источником агрессии: вступить в борьбу с внешним врагом они вынуждены в силу сложившихся обстоятельств. Как правило, подросткам приходится сражаться с взрослыми, ведь, по мнению одного из основоположников детской фантастики В.П. Крапивина, дети не воюют с детьми, т.к. «они еще не посходили с ума!» [7, с. 111]. Однако в романах современного писателя С.В. Лукьяненко «Рыцари Сорока Островов» и «Мальчик и Тьма», явно ориентированных на диалог с крапивинской традицией, данная нравственная аксиома утрачивает свою универсальность: и в том, и в другом произведении детям противостоят их ровесники.

В «Рыцарях Сорока Островов» мы сталкиваемся с виртуальным экспериментом, проводимым на протяжении восьмидесяти лет пришельцами из космоса. Желая составить психологическую карту будущих правителей Земли, корабли вторжения с планеты Лотан переносят тысячи подростков в специально созданную реальность. Включая детей в игру, пришельцы вынуждают их убивать друг друга, но вскоре подростки начинают понимать, что подлинными врагами являются не ровесники, а сами инопланетяне, навязавшие им смертельно опасные условия существования. Описание танатической тревоги усиливает изображение сюжетообразующего конфликта, эскалации же противостояния инопланетных существ и детей служит нарушение главным героем табу – правила, запрещающего общение с противоположной стороной: несмотря на запрет, Димка ночью встречается на мосту со своей подругой Ингой, воюющей на стороне противника.

Писатели-фантасты едины во мнении, полагая, что «понимание человеком смысла жизни и смерти напрямую связано с его личностными ценностями» [1, с. 5], главной из которых, несомненно, является дружба. Преданность и верность дети противопоставляют предательству и измене, на этом и держится мальчишеское братство в произведениях В.П. Крапивина, С.В. Лукьяненко, Д.А. Емца и др. Высшим проявлением доверия, которое демонстрируют персонажи романа С.В. Лукьянен-

© Савина Л.Н., 2015